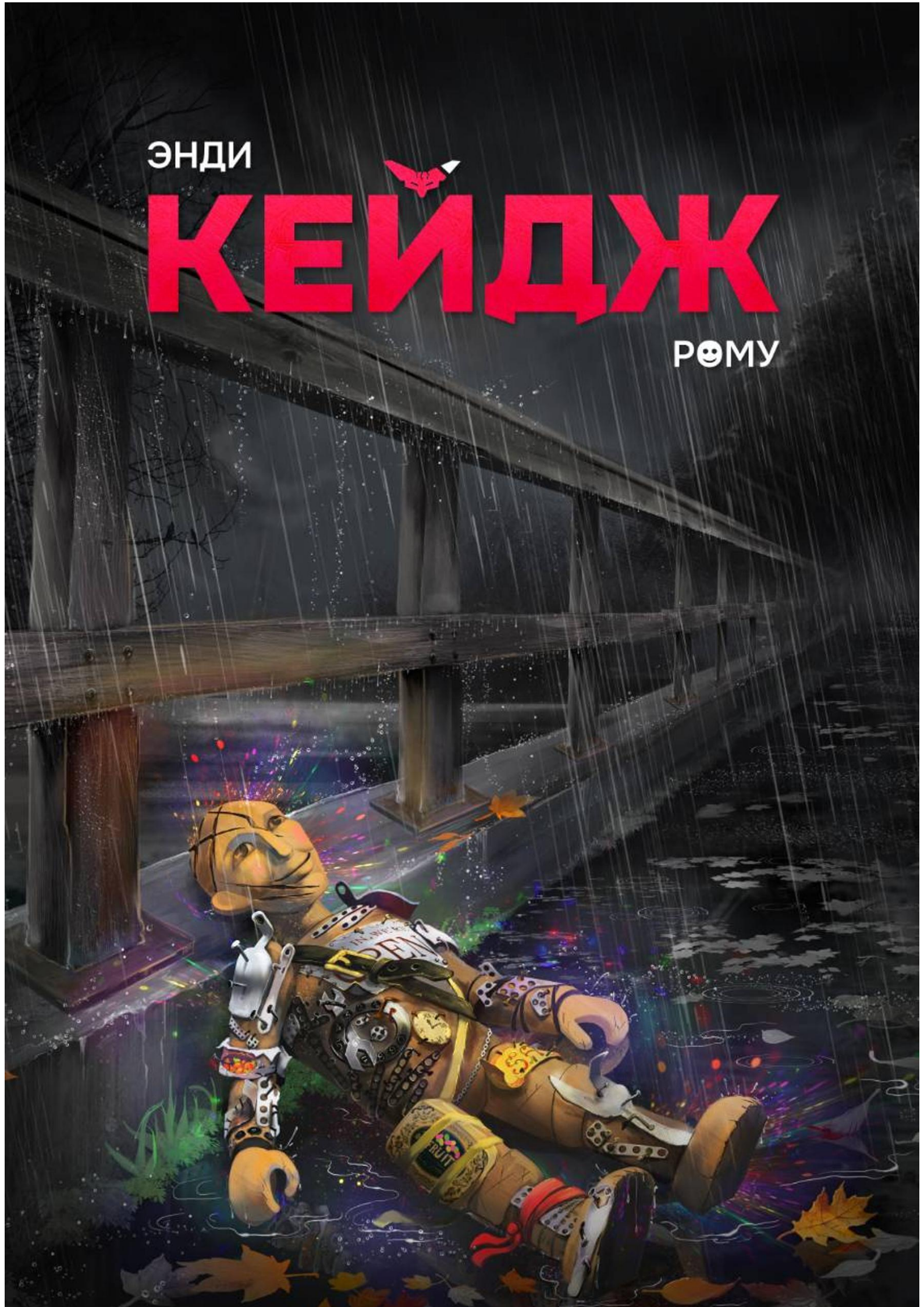

ЭНДИ

КЕЙДЖ

РОМУ

Квинтовый круг

Энди Кейдж

Рому

«Автор»

2025

Кейдж Э.

Рому / Э. Кейдж — «Автор», 2025 — (Квинтовый круг)

Однажды на фабрике игрушек оживает деревянный человечек с трещиной на голове. Из-за изъяна его должны выбросить, но сын директора прячет игрушку от взрослых, становясь для нее «своим человеком». Они тайно играют вместе, погружаясь в фантазии, пока отец мальчика не узнает об этом, и не выбрасывает бракованную игрушку в мусорный бак. Деревянного человечка находит хулиган, который постоянно делает гадости. Но в отличие от первого хозяина, он слышит, что говорит ему игрушка. Как же поступить? Остаться с хулиганом, который слышит или отправиться на поиски «своего человека», который никогда не услышит?

© Кейдж Э., 2025

© Автор, 2025

Содержание

До	6
Эта история о мечтах	6
Я кому-то нужен	12
Особенный	16
Ре	18
Ускользающий Бард	18
Следуй за мечтой	24
Решайся!	29
Я сражусь с монстром	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Энди Кейдж Рому

Посвящается девочке, которая путешествовала по кошмарам.

Она привела меня сюда, в этот момент ясности, где время замедлилось. Я обернулся, чтобы увидеть себя со стороны. И, посмотрев в прошлое, я начал перерождаться.

Сэм Лейк¹

¹ Сэм Лэйк – финский писатель, известен как сценарист видеоигр Max Payne, Alan Wake и Control.

До

Эта история о мечтах

В небольшом финском городке Порвоо, через который проходит река Порвоонйоки, жил маленький светловолосый мальчик с растопыренными ушами по имени Арто, но все называли его Арт из-за его любви к рисованию. Кто все? Да вот же: госпожа Лайне – владелица кафе на набережной, которая всегда оставляла листок бумаги и разноцветные карандаши для мальчика, и бродяга Матти, у которого всегда был припасен мел для Арто. Он часто ошивался на центральной улице возле аптеки, где заправлял Тапио, который... Стоп! Слишком много имен. Давайте начнем с другого начала, ведь эта история не про неугомонного Арто, эта история о мечтах.

Городок Порвоо много лет славился своими деревянными игрушками, даже в тяжелые для Финляндии времена, когда на улицах всей страны не было места для радости и детского смеха. Даже в такое время фабрика господина Олли Хейккинена, отца маленького Арто, соблюдала высокие стандарты производства игрушек. Это позволило ей выиграть национальный конкурс среди производителей игрушек. И не один раз.

Рабочие фабрики частенько называли ее фабрикой, где почти всегда играет музыка, потому что в цехах по радио постоянно звучала пелиманни². Постоянно, но не всегда. Потому что был человек, который ее не выносил. Поэтому когда музыка затихала, это значило...

– Наши дети заслуживают большего, чем мы! – воскликнул Олли Хейккинен, войдя в главный цех, где создавались игрушки. И слова он не бросал на ветер, потому что хорошо помнил беспокойные годы своего детства, когда дела, сделанные ради будущего детей, лишали их настоящего.

Два-три раза в неделю в случайные дни он посещал свою фабрику, чтобы лично осмотреть игрушки на наличие брака. Пускай их были сотни или даже тысячи. Все ради настоящего детей, которые играли с этими игрушками на улицах Порвоо и других заснеженных городов.

– Это что?! – возмутился господин Хейккинен, трясая деревянной куклой в красном костюме. Он нахмурился, да так, что его усы прижались к носу.

– Что это, я спрашиваю!

В ярости Олли швырнул куклу на пол, и та разлетелась на кусочки. Голова укатилась влево под одну из лавок, где лежал котенок с колокольчиком на шее, а руки с ногами подскочили до колен всех тех, кто наблюдал эту неприятную сцену.

– Еще и не ударостойкая, – пробубнил Олли, а потом достал блокнот из кармана пиджака и записал что-то.

Наступила тишина. Тишина, в которой можно было услышать только страх и шум грифеля, что стирался о бумагу.

Олли прищурился и осмотрел цех, его серые глаза метнулись вправо. И в этот момент работники в той части помещения вздрогнули. Потом взгляд метнулся влево, и работники из другой части цеха тоже вздрогнули.

Страх – это цена за высокое качество игрушек, считал Олли Хейккинен. И постоянно об этом говорил. Он вообще любил поговорить, но по большей части в приказной форме.

– Кто? – произнес он. – Кто, я спрашиваю!

На фабрике каждый знал, что следует за этим вопросом: штраф или увольнение.

² Пелиманни – традиционная нордическая танцевальная музыка.

– Мяу, – вдруг подал голос котенок. Он спрыгнул со своей лежанки на пол, а затем подошел к одному из рабочих.

Олли тут же переместил взгляд на этого испуганного, исхудалого человечка. Он просто впился глазами в него. Это продолжалось не больше минуты, но казалось, время замерло, а потом...

– *Как ты это допустил, Вилхо?!* – прокричал Олли. – А что если бы твой сын, твой маленький Яска, о котором ты постоянно трещишь, получил бы такую игрушку? Что тогда? А что если бы он порезался?

Бедный Вилхо вжался в себя так, что его длинной шеи не было видно, и тихо-тихо проговорил:

– М... м-м... Мне очень жаль, Олли, я все исправлю. Я... я... я обещаю, я буду стараться изо всех сил.

Олли топнул ногой.

– Штраф – четверть зарплаты! – сказал он достаточно громко, чтобы весь цех охнул в унисон. Этот навык пригодился бы им на конкурсе хорового пения, но, к их сожалению, они участвовали в другом соревновании.

– Но, Олли, моей семье очень нужны деньги, – тихо проговорил Вилхо. – С появлением дочери я стал меньше спать...

– Что? У тебя есть дочь?

– Нет, но могла бы быть!

Олли тяжело вздохнул и не ответил. Он еще раз быстро осмотрел каждого работника фабрики, а потом все-таки сказал:

– Вы все лишены премии, потому что скрывали правду.

Послышался унисонный вздох.

– *А теперь – за работу!* – крикнул Олли.

И все разбежались как муравьи по своим местам.

Вот такой была фабрика игрушек господина Олли Хейккинена, такой бы и осталась, если бы... А впрочем, не стоит забегать вперед, потому что между началом истории и ее завершением всегда скрывается самое важное.

* * *

В тот декабрьский день, незадолго до Рождества, шел мокрый снег. В какой день? В тот, в который действительно началась эта история. По дороге из Хельсинки в Порвоо ехал серый грузовик с краской. На его тенте красовалась улыбающаяся нерпа. Это могло значить только одно: за рулем – Микко Пулска, лучший водитель большегрузов в стране тысячи озер. По крайней мере, так считала старушка Матильда, которая приходилась ему бабушкой.

Вдруг послышался хлопок, и машину повело вправо.

– Проклятье! – простонал Микко, вцепившись рукой в свою большую рыжую бороду. Он делал так каждый раз, когда случались несчастья. А случались они достаточно часто, если судить по проплешинам.

– Опять колесо! Дурацкое колесо.

Ему пришлось вырулить на заснеженную обочину и остановиться. К несчастью, поблизости не было ни одной телефонной будки, чтобы вызвать помощь.

– *Дважды проклятье! Проклятье!* – прокричал Микко, но никто его не услышал.

Этому происшествию не стоило бы придавать значения, если бы оно не спровоцировало панику на фабрике Хейккинена, где как-раз закончилась краска. Игрушки нужно было делать в срок, а срок, как часто бывает, куда-то убежал, где ему было не место.

Работники боялись, что на фабрику заявится господин Хейккинен и лишит всех премии, а то и выгонит на мороз. Хотя это было маловероятно, но не потому что Олли был милосердным. Просто он предпочитал увольнять летом. После случая на Рождество, когда к нему при-

шли три... инспектора с проверкой по доносу бывшего сотрудника, что повлияло на работу фабрики в предпраздничные дни и, как следствие, на продажи.

– Не стоит переживать, – утешал своих коллег Йоханнес. Казалось, он существует где-то в своем мире, докуда не дошла весть о катастрофе. Иначе как объяснить, что он улыбался, макая кисть в банку с черной краской. Хотя ее можно было назвать практически пустой банкой и не ошибиться. – От беспокойства трясутся руки. В таких руках страдают игрушки. Краской не закрасить их раны. Даже перед Рождеством! – он медленно проводил кистью по деревянной заготовке, чтобы отдалить тот момент, когда краска закончится полностью.

Несмотря на плачевную ситуацию, звучала веселая музыка, скрипки задорно сплетались с гитарами, создавая приятную атмосферу. Казалось, что на фабрике праздник. Но музыка просто звучала, а не отражала ситуацию.

И хотя работники фабрики не были виноваты в задержке поставки краски, но господин Хейккинен всегда говорил им:

– Вы – команда, и ответственность за ошибку одного понесут все.

А работники шептались:

– Все, кроме тебя.

Время шло, но водителя все не было и не было. На его поиски даже отправили небольшой отряд. Возглавил его неугомонный Вилхо Виртанен, который только недавно получил нагоняй. Он часто брал инициативу в свои руки, когда это позволяло увильнуть от работы. Так же часто он получал и штрафы.

– Мы должны спасти Рождество и Микко! – воскликнул Вилхо, накидывая пальто. – Если не мы, то придут волки! И тогда...

– Иди уже, – сказал кто-то. – Нам работать нужно.

Вилхо пробежался взглядом по коллегам и не нашел поддержки, даже у Йоханнеса, который все еще умиротворенно раскрашивал заготовку. Видимо, он готов был делать это часов восемь, если понадобится.

– Ладно, – сказал Вилхо. – Я пойду один, но тогда все лавры достанутся только мне!

– Проваливай, – хором сказали все те, кто проходил мимо. А Йоханнес добавил:

– Но главное – возвращайся! Без тебя это место теряет искру.

Вилхо развернулся и, скорчив обиженное лицо, пошел к выходу. Он делал это медленно, ожидая, что все-таки кто-то примкнет к его авантюре. В конце концов, если увиливаешь от работы, то увиливать лучше с кем-то, чтобы не выполнять другую работу, из-за которой увильнул от основной.

– Я, как Тор, принесу вам огонь, плебеи, – заметил он.

– Прометей, дурак, – кто-то крикнул ему в спину.

Вилхо обернулся.

– Что? – спросил он. – И вовсе Прометей не дурак.

– Иди уже, дурак, – сказала одна из уборщиц. Ее звали Илма. И обычно она не позволяла себе грубости, но в этот день Вилхо ее очень сильно рассердил, когда стащил у котенка кусок мяса.

– Хорошо, но не пытайтесь меня сдерживать! – воскликнул Вилхо. В этот раз никто не отреагировал на его реплику, и он все-таки покинул фабрику игрушек Хейккинена.

На улице завывал ветер. Снег летел Вилхо прямо в лицо. Ему приходилось постоянно моргать, из-за чего окружающий мир превращался в диафильм.

«*Это все еще лучше, чем работать*», – успокаивал себя Вилхо, не зная, что ошибается. Он вышел на перекресток и оттопырил большой палец.

«*Одна дорога – хорошо, а три – лучше*», – подумал он. Но никто не остановился. Хотя мимо проезжали и автомобили, и лошади с повозками.

Возможно, перекресток был не лучшим местом, где можно было поймать попутку, тем более когда со стороны выглядишь как регулировщик-самодур.

– Ах так! – воскликнул Вилхо и погрозил своим костлявым кулаком проезжающей мимо машине. – Когда я прославлюсь, вы все приползете ко мне на коленях и будете просить автограф!

Вилхо не был тем, кто сдается перед сложностями. Он был тем, кто пробует решить проблему, а потом сдается, если не получилось. Поэтому он снял кепку с шарфом и засунул их в рукав пальто.

– Как я выгляжу? – спросил он себя.

Казалось, что как попавший в беду регулировщик-самодур.

Тем не менее хитрость удалась, и Вилхо отправился на «бесплатном» такси в Хельсинки на фабрику господина Виртанена, который не был его родственником. А жаль, как любил повторять Вилхо. Ему бы фабрика не помешала. Тем более такая, где производят краску, которая так нужна господину Хейккинену. Тогда бы он больше не смел угрожать Вилхо увольнением. Отчего-то он не задумывался о том, зачем ему, имея фабрику, работать на господина Хейккинена.

По пути в Хельсинки Вилхо рассказал водителю, что у него великая миссия – спасти фабрику игрушек и своего начальника от банкротства.

– Возможно, меня повьют, – заметил Вилхо, оттянув подтяжки, и довольно заулыбался.

Водитель на секунду посмотрел на попутчика, а потом безразлично уставился на заснеженную дорогу.

– И я не забуду о тех, кто мне помогал! – добавил Вилхо. – Особенно тебя, Берг. Хотя ты и не местный.

– Я через месяц уезжаю из страны, – заметил тот, покручивая зубочистку во рту.

– А моя благодарность достигнет тебя по почте!

– Не доверяю я тебе.

– Почему?

– Потому что ты... любишь приукрасить. Даже сейчас небось едешь... не знаю, порыбачить.

– Нет! – Вилхо укоряюще посмотрел на Берга. – Клянусь матерью моей жены!

– Но она...

– И что?

Берг вздохнул и повернул руль вправо. На обочине показался грузовик с изображением нерпы на тенте.

– Это он! – воскликнул Вилхо и широко улыбнулся. А потом улыбка сползла с его лица.

– Иди давай, – сказал Берг и начал смеяться.

– Я бы не отказался от помощи, – намекнул Вилхо. – Даже малюсенькой.

– А я бы отказался помогать, – ответил Берг. – Если бы меня попросил тот, кому я уже помог, но ему показалось мало, потому что он...

– Я понял, – оборвал речь Берга Вилхо. Он наигранно вздохнул и выбрался из машины.

– Берг, дружище, Берг, – окликнул водителя Микко, стоявший с лопатой возле грузовика.

– Вызови помощь, колесо прокололо. Прямо прокололо.

Тот кивнул и уехал. А снег все валил и валил.

Микко бросил лопату Вилхо.

– Это что такое? – спросил Вилхо.

– Рождественское чудо, дружище, чудо, – заметил Микко. – Им копают снег, дружище.

Вилхо воткнул лопату в сугроб и показал свои ладони.

– Эти руки созданы для прекрасного! – сказал он.

– Для чего? Чего? – спросил Микко, сняв кепку, чтобы почесать затылок.

– Для творчества, невежда!

Микко лишь сплюнул в ответ.

– Я разве не говорил, что решил посвятить себя музыке и занялся игрой на скрипке? – похвастался Вилхо и тут же начал демонстрировать игру на невидимом музыкальном инструменте. – Я пока не давал больших концертов, но мой сын обожает слушать мои симфонии!

– Что? – рассмеялся Микко. – Ты? Скрипач? Да тебе уже тридцать пять, дружище! Тридцать пять! О чем ты только думаешь? – он отмахнулся и опять начал смеяться, пока не выступили слезы в уголках глаз. – Да и откуда у тебя скрипка? Откуда? В карты случайно выиграл? В карты?

– Нет, она досталась мне от отца, – возразил Вилхо.

– Он тоже хотел стать музыкантом? Прямым настоящим музыкантом, но не вышло?

– Да, но откуда ты знаешь?

– Видать, это у вас семейное, дружище, семейное: начинать дела и бросать их на полпути. Бросать, да. Боюсь, и твой сын будет таким же, да. Таким же.

– Это не так, вот увидишь, точнее услышишь! Сначала я научусь играть на скрипке, которая, кстати, стоит дороже твоей развалюхи с колесами, а потом прославлюсь и стану выдающимся музыкантом! Известным под именем... – Вилхо задумался на секунду. – Под именем... хм... Ускользящий Бард!

– Обязательно приду на твой концерт! Приду! – Микко опять рассмеялся. – Если скрипка такая дорогая, тогда почему ты не продашь ее, почему не продашь и не купишь подешевле? А на вырученные деньги не организуешь концерт, большой концерт великого Ускользящего Барда?

Вилхо замер на секунду, подняв указательный палец.

– Глупец, это семейная реликвия! Такое не продают, – заметил он, вспомнив, как ходил в ломбард, где ему сказали, что эту скрипку выгоднее продать на дрова. Правда, то была ошибочная оценка, из-за которой этот музыкальный инструмент проделает путь длиной в историю. Но не будем забегать вперед.

– Комай давай, дружище, комай, – заметил Микко, у него начал дергаться глаз от всей этой болтовни.

– Не уверен, что мы друзья.

– А мне кажется, что лучшие, дружище. Лучшие! Комай давай, комай.

– Но ты не можешь просто смотреть, как я копаю этими золотыми руками, и ничего не делать.

– Еще как могу, дружище! Могу двумя глазами! Для меня это лучше любой симфонии!

Позже Вилхо пытался улизнуть от работы еще несколько раз, но его музыкальным рукам было суждено копать, а не водить смычком по скрипке. Тогда-то он и начал жалеть о своей инициативе. Жалеть и копать. С другой стороны, грузовик мог успеть приехать до прихода господина Хейккинена, и тогда Вилхо мог бы стать героем. Пускай и тайным. Потому что если господин Хейккинен узнает, что Вилхо сбежал с работы, даже по такой важной причине, то, возможно, ему больше неоткуда будет сбежать, потому что работы он лишится.

Прошло около часа.

Микко вместе с Вилхо все-таки добрались до фабрики Хейккинена – к этому невзрачному квадратному зданию из кирпича, где создавалось что-то, что делало детей счастливыми, особенно на Рождество. Как раз в этот момент Йоханнес макал кисточку в банку с краской, а затем проводил ею по очередной деревянной заготовке – это был улыбающийся человечек в черных штанах. И, возможно, у него была бы и другая одежда, но Йоханнес отвлекся на радостную весть и не заметил, что на кисти уже не было краски. Аккуратно отложив игрушку в сторону, он зашагал к Микко за долгожданными банками, не заметив, как к его рабочему месту подошел котенок.

– Мяу, – сказал он, забравшись на лавочку. А потом что-то упало. Что-то деревянное.

Несмотря на то, что Йоханнес был человеком спокойным и рассудительным, радовался он как ребенок – буквально пустился в пляс, позабыв о том, что не докрасил заготовку, иначе он бы уже приступил к делу, потому что создание игрушек было его мечтой еще с самого детства. И, пожалуй, он был единственным человеком на фабрике, кто любил свою работу.

На полу цеха между тем остался лежать в одиночестве маленький деревянный человечек. Его милая мордашка уставилась в потолок, словно на нем сияли звезды, а ручки и ножки на шарнирах расположились в неестественном положении. Неестественном для человека.

Вернувшись в цех, Йоханнес поставил краску рядом со своим рабочим местом и был готов приступить к делу. Он осмотрелся, слегка нахмутив свои густые брови, и подумал: *«Кажется, я что-то забыл»*. Но деревянного человечка нигде не было.

– Может, я его докрасил? – спросил себя Йоханнес, почесав небольшую бороду с сединами. – Память уже не та.

С памятью-то было все в порядке, но если бы он нашел игрушку, то эта история закончилась бы, не успев начаться, потому что деревянный человечек оказался бы на складе бракованных изделий. Ведь с такой трещиной на голове, как у него, на полки магазинов не попадают.

Однако за несколько минут до прихода Йоханнеса в цех вбежал кто-то юркий и неугомонный.

– Рому! – воскликнул светловолосый мальчик с зализанными на бок волосами и схватил деревянную игрушку. На вид ему было лет шесть. Его ладони были испачканы разноцветными красками, потому что он любил рисовать, по крайней мере, пока его мама не ушла от них с отцом.

Конечно, это был маленький Арто. Он подумал, как хорошо, что игрушка необычная, что такой ни у кого нет. И тут же отправился в мир своих грез. И в этот момент вместе с детским смехом кукла почувствовала тепло внутри себя.

– Рому! – вновь воскликнул Арто.

«Рому», – повторил деревянный человечек.

Я кому-то нужен

Олли Хейккинен всегда приходил на фабрику со своим сыном Арто, потому что просчитывал свою жизнь на два шага вперед (правда, это не спасло его брак). А как иначе, когда хочешь лучшего детям? Не только в настоящем, но и в будущем. А чтобы этого добиться, Олли хотел подготовить преемника, который бы смог продолжить его дело. Это не было его мечтой, она давно умерла, но было целью.

– Мечты – пустая трата времени для детей, – любил повторять он. – Взрослые люди решают задачи, чтобы достичь осязаемых целей.

Первое время Олли пытался что-то объяснять и показывать своему неугомонному сыну, но мальчик постоянно отвлекался на игрушки и рисование, погружаясь в свои фантазии.

– Арто, посмотри туда, – однажды заметил отец мальчика, указывая на небольшой склад. – Там хранятся бракованные вещи – треснутые, сломанные, исцарапанные. Туда попадает мусор, которому не место на полках магазинов.

Для Олли Хейккинена игрушки переставали быть игрушками, когда в них обнаруживались изъяны, которые нельзя было исправить, такие как трещины и сколы. Это делало их бесполезными вещами. Но когда речь заходила про его коллекцию антикварных скрипок...

– Это другое, – говорил Олли. – За каждым сколом, потертойостью скрывается дорогая история.

Но разве это можно было объяснить шестилетнему мальчику? Конечно нет. Поэтому маленький Арто неоднократно пытался пробраться на склад бракованных вещей. А что было делать? Чтобы спастись от скуки, ему приходилось развлекать себя самому, пока отец руководил, как он говорил, процессами производства.

– Процессы, – повторял Арто и смеялся, а потом расправлял руки, держа в одной пачку бумаги, а в другой карандаши, и отправлялся, словно самолет, исследовать фабрику игрушек. Конечно, Олли не мог за ним поспеть, да и не хотел. Его собственный отец поступал так же, и ничего – из сына вырос успешный предприниматель.

– Это пройдет, – уверял себя Олли. – Арто одумается, просто он маленький. Наиграется – и это пройдет. Пройдет.

Но «это» не проходило. За время, проведенное на фабрике, Арто успел поиграть с кучей игрушек, которые продавались в магазинах Порвоо, как с куклами, так и с машинками и паровозами. Конечно, он чувствовал себя самым счастливым мальчиком на Земле, и со временем ему начало казаться, что в этом и есть его мечта – поиграть со всеми игрушками в мире. Арто видел, что друзья завидуют ему, говорят: «У тебя все есть». Это лишь убеждало мальчика в том, что это правильный путь, это то, к чему следует стремиться.

Но часто желания кажутся необходимыми только до тех пор, пока они не исполнились. Поэтому неудивительно, что, когда Арто получил все игрушки, о которых мечтал каждый ребенок в Порвоо, ощущение счастья куда-то сбегало, не оставив записки. Игрушки наскучили мальчику, они были слишком одинаковые, слишком идеальные.

Друзья спрашивали его: «С какой игрушкой ты играл сегодня?» А он нехотя отвечал: «С грузовиком». На что ему отвечали без особого восхищения: «С тем самым... с красным?» И это был еще не самый ужасный ответ. Ужас звучал иначе: «Я такой на Рождество получил» или «Мне такой на день рождения подарили».

Арто понимал, что друзья перестали удивляться его игрушкам, как ранее случилось с его рисунками, и захотел что-то новое и необычное, что они не могли нигде увидеть. А новое и необычное можно было найти на складе бракованных вещей.

– Скоро я буду играть с игрушкой, которую не продают в магазине, – сказал Арто своим друзьям.

Они хором охнули от удивления.

– С какой? – спросил Пекка, поправляя очки. Арто считал его лучшим другом.

– Потом расскажу, – Арто улыбнулся и закрыл глаза, ожидая услышать очередное «Ого!» и не одно. Но услышал другое.

– Ты врешь, Арт! – воскликнул Пекка, указав пальцем на своего друга. – Нет игрушек, которые бы не продавались в магазине.

– А вот и не вру! – нахмурился Арто.

– Арт врунишка, – сказала Хелли, а потом и другие подхватили.

– Врунишка! – хором произнесли дети.

Даже лучшие друзья ссорятся. Но эта ссора лишь подстегнула Арто придумать, как пробраться на склад с бракованными игрушками, хотя он и прекрасно знал, что попасть туда было невозможно. Его отец так ненавидел несовершенство, что повесил на склад тридцать замков.

Но как иначе доказать друзьям, что есть игрушки, которых они никогда не увидят в магазинах? И они есть только у Арто. И только он может с ними играть.

Арто долго планировал свой, как он считал, великий поход за особенными игрушками, однако в день, когда на фабрике случилась задержка с поставкой краски, произошло то, чего он не ожидал. В одном из цехов светловолосый мальчик с растопыренными ушами обнаружил необычную игрушку. Это был недокрашенный деревянный человечек с руками и ногами на шарнирах, как и другие такие же, но... И это «но» заставило Арто подобрать человечка.

– Рому! – воскликнул он, а потом замолчал и внимательно уставился на уродливую трещину на голове игрушки. Он резко огляделся. Вдруг кто-то придет и заберет этого необычного человечка? Что тогда он скажет друзьям? Пекка опять обвинит его во вранье.

– Какой ты необычный, – проговорил Арто. – Я заберу тебя отсюда.

Он посмотрел на улыбающуюся мордашку игрушки и кивнул.

– Только папе ни слова! Хорошо?

Если бы глаза деревянного человечка могли заблестеть, то они бы обязательно заблестели в этот момент, потому что случилось то, что может случиться единожды. Игрушка обрела первого хозяина. самого важного человека. Неповторимого.

«Хорошо, – подумал Рому. – Ни слова». Жаль, что Арто не мог его услышать, но, пожалуй, мог бы почувствовать его доброту, если бы открыл свое сердце.

Арто выбежал из цеха с самой необычной игрушкой в руках, думая о том, куда бы ее спрятать, как вдруг наткнулся на своего отца. Мальчик врезался в его ноги. Здесь не перепутать – только Олли Хейккинен на этой фабрике носил блестящие черные туфли и брюки со стрелками.

Отец бросил хмурый взгляд на сына, но тот, к счастью, успел спрятать игрушку за спину.

– Ты чего здесь делаешь, Арто? – спросил он.

– Игр... Искал... рисовал, – пяťясь, ответил Арто, чуть не проговорившись. Отец не любил, когда сын ошивался в одиночку в помещениях, где игрушки еще не были до конца готовы, но бегать за ним не любил еще больше.

– Они не готовы к игре, – заметил отец.

– Я рисовал, правда, – ответил Арто, зная, что рисовал он чуть-чуть и приходил вовсе не за этим. С тех пор как он понял, что внимание друзей можно привлечь тем, что у него есть больше игрушек, чем у кого-либо, стремление рисовать угасло. Хотя это все еще оставалось одним из главных увлечений, которое связывало его с мамой.

Олли осмотрел сына и заметил, что тот что-то прячет за спиной.

– Точно? – спросил он, прищурившись. – А что у тебя в руках, Арто?

– Ничего, – соврал Арто и замотал головой, растрепав прическу. Его ладони начали потеть.

– *А ну-ка, покажи!* – резко закричал его отец. – Я уже много раз говорил, что не потерплю воровства на фабрике!

Олли зашагал в сторону сына, громко топая ногами. Арто зажмурился, прикрыв рукой лицо, словно его вот-вот должен был раздавить слон.

– Олли! – послышался мужской голос. – Срочно! Тут такое...

Господин Хейккинен обернулся.

– Что еще стряслось? – буркнул он, вскинув руки. – Ничего без меня решить не могут!

Арто открыл глаза и выдохнул.

– Я заберу тебя, Рому, – сказал он. – Но пока не знаю как.

* * *

Несмотря на юный возраст, Арто был очень смышленным мальчиком. Каждый раз, когда он приходил на фабрику отца, чтобы поиграть с Рому, он умудрялся находить все новые и новые места, где можно было спрятать игрушку. Куда он только ни совал деревянного человечка. И в банку с краской, и в станок, и даже в кошачью лежанку!

Чтобы Рому был менее заметным, Арто сделал для него одежду из материала, который нашел на фабрике. Это было похоже на серое пончо. Учítывая, что фабрика была выполнена в серых тонах, это была блестящая идея. Да и Рому стало теплее, а то «ходил» в одних нарисованных штанах.

Арто испытывал особую радость от того, что обхитрил взрослых и продолжает делать это каждый день. Иногда он просто смотрел, как ведут себя работники фабрики, как они проходят мимо места, где лежал Рому, и не замечают его. Особенно удивительно было, когда удавалось обхитрить Вилхо, потому что он и сам любил что-то припрятать и утащить с фабрики.

– А это тебе, приятель, – говорил Вилхо и протягивал конфету Арто, когда тот заставлял его за не самым благородным делом.

– Спасибо! – отвечал мальчик и брал сладость.

– Ты ничего не видел.

– Не видел.

Бывало, мимо того места, где был спрятан Рому, проходил и господин Хейккинен. И хоть он говорил, что носом чует брак, но, как и все остальные, не замечал деревянного человечка с трещиной на голове. Возможно, его острому нюху мешали усы.

В такие моменты Арто хихикал, а отец не понимал почему. «*Обхитрил, обхитрил*», – думал про себя мальчик и радовался тому, какой он смышленный.

Наблюдая за Арто, Рому многому учился. Он все лучше понимал язык, все лучше мог формулировать свои мысли. Но главное, он осознал, что привязался к Арто, поэтому с особым трепетом ждал, когда же вновь услышит детский смех и топот ботинок, несущихся к нему в очередное тайное убежище, где вот-вот случится чудо. Ведь детская фантазия – это особый вид фантазии, которая может легко превратить обычную серую фабрику в уникальный, яркий мир, полный красок, где постоянно происходят увлекательные приключения.

Так Рому успел побывать и пиратом, и искателем сокровищ, и рискованым продавцом сладостей. В конце приключения Арто всегда рисовал деревянного человечка в новом образе, фиксируя воспоминания. Он складывал рисунки в сумку, которую недавно выпросил у отца.

– Ты же носишь сумку, – как-то заметил мальчик.

– Я деловой человек, Арто, – говорил отец. – Она мне нужна для работы.

– Я тоже деловой. Она нужна мне для работы.

– Для какой работы?

– Чтобы складывать рисунки, карандаши, кисти.

Отец покачал головой.

– Да сколько можно тратить на это время, – проворчал он. – Надо было прогнать ее раньше, – тихо добавил он.

Но вторую фразу Арто не услышал.

– Я рисую игрушки, которые можно делать на фабрике! – сказал он.

И тут Олли переменился в лице, он почувствовал, что сын заинтересовался делом его жизни, пускай и через рисование.

– Отличная идея, Арто! – поддержал он его. – Тебе действительно нужна сумка.

* * *

После бесчисленных приключений, когда казалось, что ничего лучше уже не случится с Рому, вдруг, в один день, Арто произнес слова, которые заставили его почувствовать настоящее счастье.

– Сегодня я заберу тебя домой.

Арто кивнул и похлопал по сумке.

– Пекка обзавидуется, – добавил он с ехидной улыбкой, полагая, что вот-вот настанет один из лучших дней в его жизни. Рому тоже так полагал, но у них были разные на то причины. Если Арто считал минуты до того момента, как утрет нос Пекке, то Рому просто считал секунды своего счастья. Потому что теперь, когда в его жизни появился человек, которому он приносил радость, каждое мгновение, каждый прожитый день он чувствовал, что по-настоящему живет.

– Теперь ты принадлежишь мне, – говорил Арто. – Ты моя игрушка, а я твой человек. И я от тебя никогда не откажусь.

«Я кому-то нужен, – думал Рому. – Я чей-то».

Они с Арто привязались друг к другу, по крайней мере, так думал деревянный человечек. И, возможно, были бы и дальше привязаны, если бы не одно хмурое утро, хотя в тот день и сияло солнце. Но так бывает, что погода за окном отличается от погоды в сердце. В деревянном сердце.

Накануне ночью Арто и Рому очень много играли.

– Вот мы и встретились, господин Башмак, – произнес Арто за Рому, потрясывая игрушку в руке.

– В этом городе может быть только один герой, – ответил господин Башмак голосом Арто на пол-октавы ниже.

– И им буду я!

– Нет, я!

А потом Арто и Рому рухнули на деревянный пол, уставившись в потолок, словно там можно было наблюдать звезды, которые мальчик показывал своей игрушке уже много раз. Рому сразу же вспомнил момент, когда появился в этом мире. Только он лежал в цеху на холодном полу, а здесь было тепло во всех смыслах.

– Завтра, – сказал Арто. – Завтра...

Он улыбнулся, а потом уснул, забыв спрятать под кровать свою самую особенную игрушку. Так что Рому всю ночь смотрел в потолок, думая, что этот момент счастья у него уже никто не отберет.

Но...

Всегда есть «но» или «однако».

Особенный

Наступило долгожданное утро. Арто весь взъерошенный вскочил с пола и огляделся. В его комнате было так много вещей – кровать, шкафы, стол, тумбы, стулья. Всюду валялись игрушки, карандаши и листы бумаги, а на стенах висели рисунки мамы. В такой комнате хотели жить все друзья Арто. И иногда он пускал их ненадолго поиграть, а потом просил убрать все на место.

– Арт, но здесь было не убрано, – заметил однажды Пекка.

Арто пожимал плечами и говорил, что если не убрать в комнате, то папа запретит ему пускать друзей поиграть.

Но вернемся к тому дню, который так ждал Арто. Он посмотрел на Рому, что лежал на полу и любовался потолком, и тут же схватил его, потому что если бы отец увидел бракованную игрушку, то случилась бы катастрофа. К счастью или сожалению, не увидел, и утро для Арто прошло самым обычным образом. Он позавтракал кашей с большим удовольствием.

– Какой у тебя хороший аппетит сегодня, Арто! – удивился отец, а потом продолжил читать газету.

– Можно мне пойти поиграть с друзьями? – спросил Арто.

– Да, конечно, – отмахнулся отец.

Арто выскочил пулей из кухни и побежал в свою комнату, чтобы одеться. Он накинул любимый пиджак, надел пальто и причесался, хоть под кепкой этого не будет видно. Однако сегодня был его день, особенный день, когда нужно было выглядеть лучше, чем когда-либо.

– Сегодня исполнится моя мечта, – сказал Арто и довольно улыбнулся. Он закрыл глаза и провалился в фантазии, не заметив, как быстро пролетело время.

– Ой, – проговорил он и побежал встречаться с друзьями.

И вот настал тот час, тот долгожданный миг.

Арто вместе с друзьями стоял между двух красных деревянных домов на набережной, которые принадлежали семьям Хейккинен и Коскинен, где ребята обычно и собирались.

Это был приятный безветренный день. Солнце отражалось от подмерзшей реки, снег блестел на крышах домов.

Идеально для триумфа.

Арто закрыл глаза, выдохнул, словно дым от сигареты, а потом достал из-за спины деревянного человечка в пончо и продемонстрировал его своим друзьям. Они стояли полукругом и любовались им – Хелли, которая своим дыханием согревала ладони, потому что в спешке забыла варежки; Тапани, что постоянно зевал от недосыпа; Илмари, ковыряющий в носу, и, конечно же, Пекка. Этот пухлый наглец, как считал Арто, но никогда не высказывал эту мысль.

– Такого не найдешь в магазине! – заметил Арто и надменно улыбнулся, задрал нос.

Пекка уставился на игрушку, как на произведение искусства, пристально осмотрел ее снизу вверх, словно осматривал свою будущую коллекцию антикварных скрипок.

– Какой необычный, – подытожил он.

– Ого! – восхитилась Хелли.

Арто усмехнулся и хотел уже что-то сказать, как его опередил Пекка.

– У него трещина в голове, – заметил он, поправив очки. – Он сломан! Поэтому его и не найдешь в магазине.

– Сломан! – поддержал друга Тапани.

Пекка тут же залился смехом, а вместе с ним и остальные ребята из компании.

– Сломан! Сломан! – повторяли они.

В один миг тот мир, который знал Арто, вдруг разлетелся на мелкие осколки. Он растерялся и не знал, что теперь сказать. Это должен был быть его момент счастья, но счастье опять

ускользнуло от него, и теперь им больше никто не восхищался, над ним смеялись, даже Тапани. И все потому, что он принес сломанную игрушку.

– Он не сломан, он просто редкий! – огрызнулся Арто.

Тогда в разговор вступила Хелли. Она заметила, что выяснить, сломан Рому или нет, можно спросив у господина Хейккинена, поскольку тот является специалистом в области игрушек. Но Арто ответил, что отец занят и не будет тратить на это свое драгоценное время. Хотя в слове «драгоценное» он сделал семь ошибок.

– Значит, он сломан! – повторил Пекка и отмахнулся.

– Сломан, – добавили Тапани и Хелли практически в унисон.

– Сам ты сломан, Пекка! – ответил Арто. – И ты, Хелли! И ты, Илмари! И вы все!

– Я вообще молчал, – заметил Илмари, не вытаскивая пальца из носа. – О, какая зеленая, – добавил он чуть позже.

Серые глаза Арто наполнились слезами, он прикрыл лицо рукой и побежал домой. Уже через минуту мальчик ворвался в кухню, где отец пил кофе, читая газету, и показал ему деревянного человечка.

– Папа, скажи им, что Рому не сломан! – воскликнул Арто. – Скажи им, что он редкий! Особенный!

Увидев бракованную игрушку со своей фабрики, отец был вне себя от злости. Во-первых, потому что терпеть не мог несовершенство, а во-вторых, потому что его сын оказался маленьким воришкой. Он выхватил Рому из рук Арто и швырнул его об пол. На голове деревянного человечка появилась еще одна трещина.

Ре

Ускользящий Бард

Когда Рому очнулся, в черном небе, которое он наблюдал, как самый внимательный астроном, не было видно ни звезд, ни луны и уж тем более ни подкрадывающегося солнца. Ему казалось, что он проснулся от кошмара в другом кошмаре, от которого проснуться не удастся. Одна из трещин на его голове – та, что правее – зачесалась, но он не мог двигать рукой, чтобы избавиться от этого неприятного зуда.

В те светлые дни, когда Рому частенько отправлялся в удивительные приключения, Арто рассказывал ему об ужасных снах, которые видел по ночам. Но деревянный человечек не понимал, что такое кошмар. Не понимал до этого самого момента.

«Я понял, – подумал он. – Это страшно».

Но разве игрушки видят сны, да и спят ли? Не все. Лишь некоторые. Деревянный человечек на какое-то время опять отключился, а когда вернулся в реальность вновь, увидел только черноту. Но теперь он не беспокоился, потому что вспомнил, что ему постоянно приходилось находиться в темных местах без звезд, куда прятал его малыш Арто на фабрике, где почти всегда играла музыка, чтобы даже проныра Вилхо его не нашел.

Время шло. Как быстро или как медленно, сказать было трудно. Но и оно не заставило Рому беспокоиться, ведь он знал, что Арто, его человек, скоро придет. Потому что Арто всегда приходил, чтобы поиграть с ним. Всегда.

Жаль, что понадобилось не так много времени, чтобы «всегда» прошло.

Тик-так. Тик-так.

«Куда идет время?» – вдруг задался вопросом Рому. – Влево или вправо?»

Он долго размышлял об этом, вспоминая все слова, которым научился у Арто и работников фабрики, чьи разговоры он постоянно слышал, отвлекаясь на прекрасную музыку, которой наполнялись цеха.

«И все-таки...» – не успел додумать Рому, как вдруг в потолке, куда он пристально смотрел все это время, прорезался свет – словно большая звезда внезапно появилась в небе и устремилась на Землю.

Деревянный человечек знал, что это означает. Знал. Он так обрадовался, что кошмарный сон наконец-то закончился и Арто вернулся за ним! Но увидев руку, которая тянулась во тьму, он не узнал ее. Эти шрамы и наколка... Там была надпись, которая, подобно браслету, окольцевала предплечье.

Но у Арто не было шрамов и уж тем более татуировок, хоть он и любил рисовать.

«Это не Арт», – подумал Рому. В один миг его радость и ощущение счастья убежали без оглядки. Возможно, туда же, куда убегают мечты – в королевство грез.

Влажная от пота рука обхватила деревянное тельце Рому и потащила к себе, как хищник, который схватил добычу. Он не мог сопротивляться, мог только ждать и смотреть... ждать и смотреть в глаза хищнику, который все больше и больше напоминал темноволосого подростка лет пятнадцати с озлобленным взглядом. Но взгляд подобрел, а вместе с этим и ощущение страха, что эмоционально сковало Рому, отступило.

– Верни наш мяч, – послышался резкий хор детских голосов. – Пожалуйста, – кто-то из них добавил для смягчения.

– Какой мяч, сопляки? – спросил подросток, держа за пазухой тот самый мяч.

Солнце показалось из-за облаков, ударив в его карие глаза. Он прищурился, а потом сплюнул.

– Вот этот, – пятеро детей практически синхронно указали пальцами на мяч.

– Как он здесь оказался? – наиграно удивился хулиган. Он снял кепку с головы, провел рукой по лбу, чтобы смахнуть пот. А затем вновь прикрыл свои темные короткие волосы.

– Ладно, забирайте, – добавил подросток, бросив мяч в мусорный бак. Он толкнул бак ногой, чтобы тот упал, а затем еще раз, чтобы покатился.

– *Мяч в игре!* – выкрикнул хулиган и свистнул, засунув пальцы в рот, словно был судьей в этом странном матче.

Издали можно было подумать, что он футболист, но кожаные гетры, которые он носил вместе с туфлями, выдавали в нем кого-то другого.

– С вами был Ускользящий Бард! – воскликнул подросток.

И детям пришлось осваивать новый вид спорта – мусорбол. Они побежали за мусорным баком, топча все, что из него вываливалось, и порой весьма отвратительно пахнущее, а хулиган смеялся и смеялся. Из его глаз даже показались слезы. Они сверкали в свете солнца.

По небу плыли редкие облака. Это был веселый летний день, но не для всех.

– Как тебе такое, дружище? – спросил он, утирая слезы рукавом своей грязной рубашки.

«*Я не знаю*», – подумал Рому.

– Нравится? – усмехнулся подросток. Он осмотрел деревянного человечка и увидел на его голове две трещины. – А ты бунтарь, да? Пытаешься выделиться, как и я!

«*Кто?*» – подумал Рому.

– Меня зовут Яска Виртанен, – заметил подросток, протянув руку к маленькой ладошке Рому. Он обхватил двумя пальцами кисть деревянного человечка и добавил: – Будем знакомы!

Яска засунул игрушку в карман рубашки, рядом с сердцем, затем поднял потертый футляр от скрипки, что все это время лежал рядом с мусорными баками, и зашагал вдоль тротуара по набережной, насвистывая какую-то мелодичную песню. Он выглядел неопрятно: рубашка не заправлена, на носках туфель дырки, через которые можно было увидеть серые носки.

«*Но где Арт?*» – пролетела мысль в голове Рому, которую никто не услышал. Хотя...

– Что ты сказал, дружище? – спросил Яска. – Плюнуть тому малому в лоб?

Он покачал головой и сказал:

– Это неправильно.

«*Неправильно*», – повторил Рому.

– И поэтому это отличная идея! Ведь чтобы стать известным музыкантом, в первую очередь, нужно, чтобы тебя заметили!

Но идея не была отличной. Потому что родители обиженного мальчика гнались за Яской и Рому полтора километра по набережной и до самого Кафедрального собора, где нуждающийся всегда мог найти убежище. А Яска был, безусловно, нуждающимся. И хорошо знал, что святоши, как он называл служителей собора, ему не откажут.

– Еле удрали, – заметил Яска, тяжело дыша. – Кто знал, что малой выполз из двух марафонцев.

«*Это неправильно*», – подумал Рому. – *Потому что это создало проблемы*».

– Согласен, надо будет повторить! – воскликнул Яска, подняв футляр над головой. Он оглянулся на собор и добавил: – Прости, боже, не ведаю, что творю.

«*О нет!*» – подумал Рому, и через час они повторили. Яска считал, что ради мечты стоит рискнуть. И он это делал регулярно, полагая, что это приведет его к успеху. И каждый раз, после очередной проделки, он повторял одну и ту же фразу: «С вами был Ускользящий Бард!»

– А теперь займемся делом, – сказал Яска, вернувшись на набережную. Он усадил Рому на брусчатку, рядом положил футляр, достал скрипку и без подготовки провел по ней смычком. Зазвучала веселая музыка. Позади него текла река Порвоонйоки, а впереди высился деревян-

ный двухэтажный дом с каменным основанием, где располагалось кафе в погребе. Так и было написано на табличке над дверью, рядом с которой стояло несколько столиков и стульев.

И вот туда все время поглядывал Яска – в окна входной группы. Когда мелодии лились, когда смычок скользил по струнам. Даже когда мимо проходили люди, он смотрел на дверь. Даже когда кто-то бросал монету в футляр, где лежала дощечка с надписью «Выступает Ускользящий Бард».

Все время.

Его взгляд возвращался к одной и той же точке. Даже когда подошел вонючий бродяга в обносках и попросил мелочь.

– А ты мне что, Матти? – спросил Яска, не отрываясь от игры на скрипке.

– А я мешать не буду, – ответил Матти и почесал свой зад.

– Возьми пару монет и вали отсюда.

Матти нагнулся, повилял задом и забрал две монеты.

– Спасибо, – сказал он и ушел.

Рому внимательно слушал и наблюдал за Яской, как тот умудряется так ловко танцевать и играть одновременно. Подобную музыку он уже слышал на фабрике игрушек, но она была не такой эмоциональной, взрывной, да и звучала ровнее и гармоничнее.

Деревянный человечек хоть и не разбирался в музыкальной грамоте, но некоторые ноты, которые исполнял Яска, все-таки резали ему слух. Несмотря на это, он все равно заворуженно наблюдал за той магией, что происходила на набережной возле «Кафе в погребе». Он видел, как оживлялись люди, которые проходили мимо, как маленькие дети пускались в пляс, как лаяли собаки. И как рыбак, проплывавший на лодке, вдруг заплодировал.

Ладно, последнее Рому не мог видеть, но слышал.

А потом кто-то крикнул:

– *Вот он! Этот Скользящий Гад!*

И на этом волшебство закончилось, музыка стихла и зазвучал топот туфлей по брусчатке, более известный как погоня.

– *Ускользящий!* – крикнул Яска, убегая. – *Я – Ускользящий Бард!*

Ближе к вечеру прошло еще несколько спонтанных концертов, в том числе возле Кафедрального собора, где часть денег Яска отдал святошам.

– Не смотри на меня так, – сказал он Рому. – Они помогают мне, я – им. Это просто бизнес.

Яска оглянулся на собор, где как раз шло богослужение.

– Прости, боже, я не знаю, что несу, – сказал он, перекрестившись. – Ладно, пойдем, есть дело, дружище.

Так Рому впервые оказался в кафе, где было важное дело. В том самом «Кафе в погребе», на которое Яска постоянно смотрел во время одного из концертов.

«*Что же там интересного?*» – подумал деревянный человечек, когда они вошли внутрь, углубились в помещение и уселись за одним из круглых деревянных столиков.

Яска придерживал голову рукой, упершись локтем в стол, и улыбался, смотря вдаль – на барную стойку, куда то и дело подходила ослепительная молодая девушка в розовом платье с фартуком, от чарующей улыбки которой можно было забыться.

Влюбленные думают, что их любовь улыбается только для них, боясь обернуться и увидеть правду, стоящую позади.

– Лийса, – тихо проговорил Яска, любясь девушкой. Ему нравилось в ней все: ее темные кудри, блестящие в свете ламп; ее ореховые глаза, в которых можно было утонуть, и, конечно, ее нежные губы, накрашенные красной помадой.

– Она красивая только для меня, – произнес Яска.

Рому сидел на столике рядом с солонкой и перечницей и совершенно не понимал, что происходит. Он впервые оказался в помещении, где собиралось много людей, чтобы поесть. И это было очень интересно. Здесь кипела жизнь, постоянно что-то происходило, разлетались слова, зарождались споры и возникала ругань на ровном месте. Такого количества героев не было даже в фантазиях Арто.

– Эй, дружище, – окликнул Яска деревянного человечка. – Однажды я женюсь на ней. Вот увидишь! Однажды... Потому что я уверен, что она – мой человек!

«Твой человек? – спросил Рому. – Это как?»

– Это тот, ради кого ты готов на все, даже съесть жука. Тот, за кого нужно бороться, несмотря ни на что!

Официантка наконец-то обратила внимание на Яску и направилась к нему – к самому дальнему столику. Он тут же заерзал, снял кепку и попытался привести в порядок тот беспорядок, что называл прической. Но ничего не вышло, и он надел головной убор обратно.

«Что ты делаешь?» – подумал Рому. И в этот момент Яска повернулся к нему и ответил:

– Причесываюсь, чтобы покорить ее сердце, дружище!

«Почему сейчас? А не раньше?»

И тут Яска расплылся в глупой улыбке, потому что официантка – прекрасная Лийса – стояла рядом с лакированным столиком, приготовив блокнот и карандаш.

– Что будешь заказывать? – спросила она сухо и натянуто улыбнулась.

Яска замер, приоткрыв рот, а потом произнес:

– Яска.

– Что? – спросила Лийса, приподняв левую бровь. – У нас нет таких блюд.

– Нет-нет, – лицо Яски покраснело от смущения. – Меня так зовут.

– А-а, – Лийса почесала затылок и вновь спросила:

– Что будешь заказывать, Яска?

«Она смутилась», – ошибочно подумал Яска, когда наступила неудобная пауза. Казалось, он думает, что заказать, а на самом деле в его голове вертелась еще одна мысль: «*Лийса, любовь всей моей жизни, назвала меня по имени!*»

– Ладно, когда определишься... – не закончила Лийса.

– Блинчики с джемом и кофе, – быстро проговорил Яска. Это звучало как заученная заранее фраза, словно он отвечал в школе на вопрос учителя. Неудивительно, ведь днем ранее перед сном он зазубрил эту фразу так, что смог ее произнести утром, не успев открыть глаза.

– С каким джемом? – спросила Лийса. Она больше не улыбалась, словно выполнила единоразовое задание.

– Клубничным, как вкус твоих губ.

Лийса покачала головой и тяжело вздохнула, а потом сделала запись в блокноте.

– Не мог бы ты убрать Рому со стола? Он отпугивает посетителей, – добавила она и ушла. Яска проводил ее заигрывающей улыбкой, по крайней мере, он так думал. В действительности его губы растянулись так, что показались зубы и вывалившийся язык.

– Ах, какая походка, – произнес он. – Ты посмотри на эти округлости, дружище!

«Она знает мое имя», – подумал Рому.

– Я ей нравлюсь, дружище, точно тебе говорю!

«Почему?» – произнес Рому.

– Ты видел, как она на меня смотрит?

«Так же, как на остальных».

– Нет, ты ошибаешься, в следующий раз присмотришься – и увидишь блеск в ее потрясающих глазах цвета ореха, в которых я бы утонул, как в двух лужах, если бы напился и не умел плавать.

«Что за лужи?»

– Аллегория.

«Что такое аллегория?»

– Это когда не по-настоящему, дружище.

Яска откинулся на спинку стула, заведя руки за голову, и закрыл глаза. Сколько же фантазий он успел посмотреть до того, как в «Кафе в погреб» вошел...

– Пиркка и его банда, – нахмутив брови, сказал Яска.

«Кто это?» – спросил Рому.

– Главные хулиганы в Порвоо, – Яска указал пальцем на одного из банды. – Тот в черном пиджаке и брюках – Пиркка, самый опасный из них. Его еще зовут Бритва. Тот, что левее, в темно-сером – Отто по кличке Станок, его правая рука.

«Почему он слева, если он правая рука?»

Яска почесал затылок.

– Я не знаю, – ответил он. – Может быть, его понизили до левой руки.

«А почему он рука?» – спросил Рому.

– Потому что это... ну...

«Не по-настоящему?»

– Да, – кивнул Яска и продолжил:

– Те двое, что в светло-серых пиджаках, это братья Унто и Урпо, более известные как Обмылок и Помазок. Правда, я не знаю, кто из них кто.

«Они похожи».

– Да, как две капли мочи.

«Что?»

– Ничего, забудь... Хуже всего то, что Пиркка – парень моей несравненной Лийсы.

Яска задумался на миг, поглаживая несуществующую бороду.

– Но это временно, – сказал он. – Когда я стану известным уличным музыкантом, она бросит этого сопляка.

«Почему?» – спросил Рому. Он вдруг осознал, что Яска его слышит и понимает. И это уже не тот диалог с самим собой, что он вел, когда они познакомились. Но понимает ли это сам Яска? Или для него это случилось тоже слишком плавно, что он и не заметил?

– Потому что она его не любит! Она хочет быть со мной, но боится «Бритву». А когда я покажу, насколько я хорош, то перестанет пресмыкаться перед этим чучелом и сама пригласит меня на свидание, – Яска улыбнулся. – Это произойдет совсем скоро. День-два, может быть, месяц... А может быть, прямо сейчас.

Он увидел, что Лийса идет к нему с подносом, и подмигнул. Это далось ему с трудом, потому что сколько бы он себя ни уверял, но он боялся, что на самом деле он ей не так нравится, как нафантазировал.

«Не зря тренировался перед зеркалом», – подумал Яска, наблюдая за возлюбленной. Но вдруг из-за ее спины паровозиком показались Пиркка и его банда. Главарь «Опасной бритвы» держал в зубах сигарету и очень быстро зашагал вперед – к столику Яски.

«Это дружище?» – спросил Рому.

– Нет, дружище, – на лице Яски возникла дерганая улыбка, он посмотрел влево – увидел Обмылка, потом вправо – заметил Помазка. Бежать было некуда. Все ходы успели перекрыть участники банды «Бритва». Точнее, «Опасная бритва». Пиркка считал, что так более устрашающе.

Вдруг в глазах Яски потемнело. Удар получился слишком внезапным, чтобы заметить. Словно бил хороший боксер. Похоже, Пиркка не собирался разговаривать.

– Стой! – прозвучал голос Лийсы.

«Она меня спасет, – подумал Яска. – Вот же женщина!»

– Только не здесь, – продолжила Лийса. – Разбирайтесь на улице, иначе госпожа Лайне будет в ярости и лишит меня премии.

И участники банды «Опасная бритва» выволокли Яску из погреба, дотащили по тротуару до переулка между домов, где располагались мусорные баки, и принялись бить. В основном ногами, потому что так практичнее.

– Еще раз подмигнешь моей женщине – и ты мертвец, скользкий блевард, – сказал Пиркка и врезал Яске ботинком по голове.

Станок рассмеялся, а за ним и остальные «бритвенные принадлежности». Только Яска не смеялся, но был рад тому, что в избиении возникла пауза. А затем последовало еще несколько ударов, от которых обувь окрасилась в алый цвет.

– Тебе ясно? – спросил кто-то, наверное, Обмылок, но Яска не мог понять кто, потому что перед его глазами все плыло. Он вот-вот должен был отключиться, но не отключился, потому что...

– А вот твой Рому, малыш! – выкрикнул Станок, швыряя деревянную игрушку в стену.

«Он знает мое имя. Откуда?» – пролетела мысль в голове Рому. И, возможно, это была бы последняя мысль, если бы Яска не нашел силы, чтобы поймать деревянного человечка. Он схватил его окровавленными руками и прижал к груди, а затем упал и отключился.

Следуй за мечтой

Шел дождь. Черный дождь. Капли ударялись об опухшее лицо Яски, он никак не хотел пробуждаться, но вдруг его глаза открылись, и он резко набрал воздуха в грудь, словно не дышал целую вечность.

Вдох-выдох. Вдох-выдох.

Он осмотрелся. Кругом все казалось бесцветным, ненастоящим – дома с открытыми дверьми, несколько автомобилей без водителей и повозок без лошадей. Мир выглядел опустошенным.

А дождь все капал и капал, окрашивая улицу в черный цвет.

– На вкус как уголь, – произнес Яска и поднялся с залитой брусчатки.

– Как же больно, – он коснулся левой щеки, а потом потихоньку направился вдоль набережной, справа от которой текла черная река.

– Похоже на Йокикатуу... хотя... да я здесь вообще был?

Яска осматривал мрачный пейзаж, пытаясь зацепиться взглядом за что-то знакомое. Но знакомое он не узнавал, чего нельзя сказать про незнакомое. Так он и шагал, путаясь в воспоминаниях и ощущениях, пока вдруг не услышал:

«Просытайся!»

Казалось, голос звучал отовсюду. Яска посмотрел вправо, потом влево, но никого не увидел – ни одного человека или хотя бы собаки. А потом он перевел взгляд вниз и резко остановился, потому что стоял на краю бесконечной пропасти.

«Просытайся!» – вновь послышался голос.

– Я сплю? – спросил Яска.

«Просытайся! Просытайся!»

И на мир обрушился поток черноты, словно кто-то вылил цистерну нефти с небес, и весь город превратился в черную кашу.

* * *

Яска с трудом открыл заплывшие глаза и увидел перед собой деревянного человечка в пончо с двумя трещинами на голове.

– Ты цел, дружище? – прохрипел Яска и начал кашлять. Он перекатился на бок и сплюнул кровь.

«Да, мои руки и ноги на месте», – ответил Рому.

– Вот и хорошо.

Яска продолжал лежать на боку еще несколько минут, а потом все-таки смог подняться ненадолго, чтобы спиной упереться в деревянную стену дома.

– С вами был Ускользящий Бард, – тихо произнес Яска, глядя в звездное небо. Его глаза начали закрываться.

«Спасибо», – сказал Рому.

– За что? – спросил Яска.

«Ты уберег меня от удара».

Яска усмехнулся.

– Без проблем, – сказал он. – Мы же друзья.

«Друзья? Это как?»

– Друзья помогают друг другу. Сражаются друг за друга. Дают займы. Вот что такое дружба.

Яска некоторое время молчал, а потом вдруг осознал, что нигде не видно футляра от его скрипки.

– Черт! – выругался он, схватившись за голову, которая гудела от боли. – И как мне теперь стать известным уличным музыкантом?

«*Футляр в кафе*», – заметил Рому.

– Точно! Надо сходить туда...

«*Нельзя*».

– Пожалуй, уже поздно... Пойдем туда завтра.

«*Там будет Пиррка*».

Яска отмахнулся и сказал:

– Да что он мне сделает? Эта тупая Бритва с ржавым Станком, плешивым Помазком и... а Обмылок и сам себя унижил своей кличкой.

«*Больно*», – ответил Рому.

– Ты прав, надо что-то придумать.

«*Может, найти другую скрипку?*»

– Нет, эта мне очень дорога. Я должен стать знаменитым музыкантом, играя именно на ней.

Яска вздохнул, поднялся на ноги и отряхнулся.

– Как же больно. Ладно, пойдем домой.

* * *

Город переживал фазу глубокой ночи, когда Яска вернулся домой, не забыв громко хлопнуть дверью. Так было принято входить в дом, в котором больше не было любви. Он быстро зашагал в свою комнату, оставив на полу следы грязи от туфель.

– Как тебе моя коллекция пивных бутылок? – спросил Яска и улыбнулся, а потом пожалел об этом. – Как же больно. Ау!

Он помассировал свое лицо и продолжил речь:

– Если их сдать, то можно выручить немного денег, чтобы купить подарок Лийсе.

Произнеся ее имя, Яска мечтательно улыбнулся и опять пожалел об этом.

– Ау! Нужно обезболивающее!

И после этих слов откуда-то вдруг заиграла громкая музыка. Сначала вступила партия скрипки, а потом ей начала подыгрывать гитара в быстром темпе.

– Ого! – удивился Яска. – Значит, это правда, что радио вещает по ночам. – он покрутил частоту туда-сюда, и звук пропал. – Похоже, только одна волна.

«*Что?* – спросил Рому и вновь услышал музыку. – *Как громко!*»

Яска тут же забрался на кровать и начал прыгать, сменяя серое одеяло. Он пытался изобразить, что сам играет каждую звучащую мелодию. Получалось не очень.

Рому же казалось, что его голова вот-вот расколется пополам.

И тут вдруг: бац-бац-бац. Барабаны начали отбивать мимо ритма, да так громко, что это перебивало музыку.

А потом еще раз и еще раз.

Бац-бац-бац.

– *Выключи это дерьмо!* – проревел грубый женский голос за дверью.

Рому испугался, по его тельцу прошел холодок. Ему даже показалось, что он дернулся и чуть не завалился на бесценную коллекцию бутылок.

– *Уши заткни, коза!* – рявкнул Яска и выкрутил громкость на всю. – И козлу своему заткни! Или кто у тебя сегодня? Старый индюк?

Скрипка завизжала еще громче из радиоприемника.

«*Кто это?*» – спросил Рому.

– Монстр, – ответил Яска.

«*Громкая музыка его пугает?*»

– Да, заставляет страдать. Не обращай внимания.

И вновь прозвучала партия ударных по двери не в размер композиции, и вновь... бац-бац-бац.

А потом монстр ушел.

Яска подошел к полке, где сидел Рому, и показал ему татуировку на своем правом предплечье.

– Однажды один из приспешников монстра сломал мне руку, – сказал он.

«*Это больно?*» – спросил Рому.

– Еще как, дружище, но я крепче, чем кажусь!

Деревянный человечек внимательно смотрел на надпись, что окольцовывала руку.

«*Что здесь написано?*» – спросил он.

Яска усмехнулся.

– Просто издевка, – сказал он. – Совсем неважно, как ты ударишь, а важно, какой держишь удар... Когда кости срослись, я показал это монстру. И сказал, что никому не победить Ускользающего Барда!

«*Я тоже хочу быть крепким*», – сказал Рому.

Вместо ответа Яска внимательно осмотрел друга, сначала его треснутую голову, потом поцарапанные руки и ноги.

– У меня есть идея! – сказал он наконец и побежал к столу, из ящика которого достал свечу, спички, несколько гвоздей и перчатку из плотной ткани.

– Будет немного щипать, – заметил он.

«*Что?*» – спросил Рому. – *Что ты хочешь сделать?*»

– Наколку! Она тебя укрепит, как укрепила меня.

Яска повернулся к окну, где-то в той стороне высился Кафедральный собор.

– Боже, прости, не ведаю, что творю.

Он вновь повернулся к Рому и поднес раскаленный гвоздь к его левой руке, но вдруг остановился.

– Что написать? – спросил Яска, задумавшись.

«*Не знаю*, – ответил Рому. – *Может быть, что-то про мечты?*»

Он подумал об Арто и его стремлении к мечте.

«*Мечты — это же важно?*»

– Да, это самое важное в жизни, – согласился Яска. – Если мечта настоящая.

«*Это как?*» – спросил Рому.

– Это когда ты делаешь что-то всем сердцем. Не буквально.

«*Не по-настоящему*».

– Да, – Яска помолчал минуту, а потом выжег на левой руке деревянного человечка фразу: «Следуй за мечтой!», еще не зная насколько эти слова станут важными для него самого.

А Рому вскрикивал несколько раз.

– Готово! – сказал Яска, отложив в сторону гвоздь и перчатку. – Теперь мы настоящие друзья.

«*Почему?*» – спросил деревянный человечек.

– Потому что держать удар и следовать за мечтой – это две связанные вещи. Это как инь и ян, «дру» и «жба». По-другому не бывает.

* * *

Яска и Рому много времени проводили на улице, хулиганили, привлекали внимание, убежали от старших и боролись с монстром и его приспешниками, которые частенько наведывались в дом, где больше не было любви. Не хватало только выступлений на набережной, в парке на другом берегу реки, возле собора, да и просто на улицах. Тем не менее Яска называл этот период своей жизни подготовкой к карьере великого уличного музыканта. И в каком-то смысле он был прав, потому что за несколько дней количество выходов увеличилось в разы, и уже все

больше и больше людей знали про Ускользящего Барда. Правда, чаще его называли Скользящий Дурак и не понимали, почему он называет себя бардом.

– Это неправильно, – говорил Яска. – Боже, прости, поэтому мы это и делаем.

«Что делаем?» – спросил Рому.

– Рассказываем об Ускользящем Барде людям, чтобы потом сыграть им музыку и завоевать их сердца. Ведь если не рассказать, то не для кого будет играть, то никогда не станешь известным.

Это звучало логично, но Рому все равно казалось, что он никогда не сможет понять Яску до конца, его методы достижения целей, потому что Арто был проще, он был другим.

Однажды, после очередной выходки, когда друзей догнал господин, известный как Помордебей, выяснилось, что Яска хоть и был Ускользящим Бардом, но он еще был и Полу-чающим Бардом, и не всегда деньги за выступления, но часто – по заслугам.

В результате постоянной беготни Рому оказывался на брусчатке, в воде, траве и даже в конском... а впрочем, важно другое. Куда бы ни швыряли Рому, во время очередной драки Яски с кем-нибудь повыше, тот всегда возвращался за другом, мыл его и чинил. Он организовал в углу своей комнаты маленькую мастерскую на столе. Там были различные инструменты – молотки, отвертки, пила, а также заготовки из дерева и металла, которые удавалось находить на помойке.

За время, проведенное с Яской, Рому изменился и не только внутренне. Он больше не носил пончо, которое сделал для него Арто, потому что теперь на нем были доспехи, сделанные из гвоздей, железных пластин и металлических фрагментов от сломанных игрушечных машинок, конструкторов и прочего мусора, что попадался под руку.

– Не бойся, дружище, я тебя в обиду не дам, – говорил Яска, вытирая лоб тыльной стороной руки. – Клей подсохнет, и завтра будешь как новенький! А когда я подыщу материал, чтобы сделать тебе боевой шлем, то наступит твоя очередь блистать! И ты станешь настоящим рыцарем.

Он усадил деревянного человечка на полку рядом с коллекцией бутылок.

– Защищай их, – сказал Яска, а потом выключил свет, громко затопал и запрыгнул в кровать. Это был еще один ритуал, чтобы в очередной раз заявить монстру о своем существовании. И, конечно же, монстр закричал: «Тише!» – потому что монстры ненавидят тех, кто просит у них любви. А их приспешники и подавно.

– *Иди к черту, коза!* – крикнул Яска, завершив разборки с монстром на сегодня. – Ладно, дружище. Пора спать. – он повернулся к прикроватному столику и начал что-то искать на ощупь.

– Вот ты где, – тихо произнес Яска. Он поднял фотографию в деревянной рамке и поставил ее на маленькую подставку. На ней были запечатлены худощавый мужчина в подтяжках со скрипкой и темноволосая женщина в белом платье, что очарованно смотрела на музыканта. Они улыбались, и эти улыбки были самым светлым местом всего дома, где больше не было любви.

«Это твои родители? – спросил Рому. – Где они?»

Яска не ответил, он обнял подушку и заплакал.

– Я скучаю, – прошептал он.

«И хулиганы плачут», – подумал Рому и больше не задавал вопросов.

Когда слезы закончились, спросил уже Яска:

– Эй, не спишь?

«Нет», – ответил Рому.

– А чего ты больше всего хочешь, дружище?

«Я не знаю».

– Как не знаешь? Все чего-то хотят. Ну, знаешь, много денег, славы.

Деревянный человечек задумался.

«Не оказаться во тьме, – сказал он. – Так было, когда я потерял Арта».

Яска усмехнулся.

– Никто не хочет, – ответил он. – А кто такой Арт?

«Он – мой человек, а я – его игрушка, – ответил Рому. – Он любит рисовать, придумывать истории. А еще это он дал мне имя – Рому!»

Яска тяжело вздохнул.

– Ты ведь не знаешь, что значит «Рому»? – спросил он.

«Не знаю», – ответил Рому.

– Просто запомни: что бы ни случилось, ты – не Рому. Для меня ты всегда будешь другом.

«Что? Что-то должно случиться?»

– Нет, дружище, потому что мы со всем справимся.

«Хорошо».

– А теперь давай спать.

Решайся!

За минувшую неделю Рому успел привыкнуть к Яске и поучаствовать во всех его выходах, включая ту, что плохо пахла. Буквально. Хотя мыслями он все еще цеплялся за Арто и те невинные фантастические приключения, в которые они отправлялись.

Но у игрушки нет выбора, кому принадлежать.

Как-то раз Яска и Рому подожгли коврик перед дверью соседей, ожидая, что сейчас выскочит старушка Матильда и начнет ругаться. Но ее не оказалось дома.

Рому понимал, что дом старушки может сгореть, но ничего не мог сделать. А Яска, он же хулиган. Насколько далеко он готов был зайти ради славы?

«*Неужели он ничего не сделает?*» – подумал Рому в тот момент, когда Яска выскочил из кустов, где прятался, и затушил костер. Правда, он сделал это своей собственной жидкостью.

– Хорошо, перед выходом выпил два стакана воды, – заметил Яска. – Иначе случилась бы беда.

Он посмотрел налево, пробежав глазами по тротуару, туда, откуда обычно приходила Матильда.

– Пойдем в собор, помолимся за старушку, – сказал он. – Вдруг что-то случилось.

Так Рому открыл для себя противоречия в людях. Они разные. Не всегда хорошие или плохие. Даже хулиганы, бывает, пытаются исправить свои ошибки, хоть и делают это странным способом.

«*Домой?*» – спросил Рому, когда друзья вышли из Кафедрального собора.

– Нет, – завертел головой Яска. – Сегодня мы сделаем *это*.

«*Это? В смысле – это?*»

– Да. Именно *это*.

Он подмигнул и указал на подростков, которых только что выпроводил охранник из бара.

– Пиркка и его «Бритва».

«*Но Пиркка и есть „Бритва“*».

– Да, ты прав, оговорился. Смотри, похоже, Обмылка заменили.

«*Этот ниже*».

– Назовем его Горшок!

«*Почему?*»

– Когда его стригли, то надевали на голову горшок, разве не видно?

«*Зачем?*»

– Чтобы придать форму и запах, – сказал Яска и рассмеялся. – Думаю, они здесь задержатся.

«*Почему?*» – спросил Рому, но ответ подошел со спины.

– Есть что? – прозвучал низкий хриплый голос. – Монеты, печенье, блестящие пуговицы? Яска подскочил на месте, а потом обернулся.

– Матти, да не при боге будет сказано! – произнес он. – Не пугай так.

– Ты сам просил подойти. Я всегда подхожу со спины.

– Не буду спрашивать зачем.

– А я и не отвечу.

– Ладно. Давай ближе к делу, – Яска указал на подростков у бара. – Видишь этих чертей... боже, прости... сможешь задержать их подольше?

– Да, как и договаривались, ты мне – монеты, я тебе – услугу, – Матти почесал зад и шмыгнул носом. – Простудился, похоже.

– Держи, – Яска протянул мешочек монет.

Матти начал их пересчитывать.

- Тут одна лишняя, – заметил он.
- Это на чай, – сказал Яска.
- Я не пью чай.
- Тогда начни.
- Ладно.

Матти пожал плечами и медленно зашагал в сторону Пиркки и его банды.

* * *

Забрать скрипку Яска мог еще несколько дней назад, он точно знал, что она все еще там. В «Кафе в погреб» был предусмотрен ящик для утерянных вещей. Если находки не забирали в течение месяца, то их отдавали в детский дом.

Однако Яска хотел не просто забрать скрипку, а сделать это максимально эффектно. И пока Матти отвлекал Пиркку и его банду, которые в очередной раз безуспешно штурмовали бар, он и Рому спокойно вошли в «Кафе в погреб», где их встретила прекрасная Лийса.

– Ты оставил футляр, – заметила она, улыбнувшись одними губами. – Забери, иначе мы отдадим его в детский дом.

– Привет, – сказал Яска и глупо улыбнулся в ответ, зависнув в своих фантазиях. Он даже не заметил, как Лийса отошла, потому что в следующий раз, когда он вернулся в реальность, она стояла перед ним с футляром для скрипки и недовольным выражением лица.

– Забирай, – сказала она. Возможно, не один раз.

Яска взял футляр из рук любимой девушки, коснувшись ее белоснежных пальцев.

«Твоя очередь блистать», – сказал Рому.

И в этот день Яска показал себя во всей пятнадцатилетней красе. Он вскочил на один из круглых столиков, где сидел Йоханнес, работавший с его отцом на фабрике игрушек, с женой Эйлой, которая в этот день надела свое лучшее серое платье. И казалось, все, годовщина двадцатилетия брака для этих двоих испорчена. Но они просто застыли от удивления, а потом поймали себя на мысли, что хотят знать, что же будет дальше.

– Ради тебя, отец, – Яска достал скрипку из футляра, смычок, и по кафе разнеслась задорная скрипичная музыка с ритмической секцией из ударов каблуками о стол.

– Это ты придумал? – спросила Эйла своего мужа, глядя в его удивленные глаза.

Йоханнес приподнял свои густые брови, почесал бороду и покачал головой, а потом рассмеялся. Его супруга насупилась на миг и тоже не смогла сдержать смех. Позже они поймут, что это была лучшая годовщина в их жизни.

Все больше и больше посетителей оборачивались, чтобы увидеть что-то удивительное, чего в этом кафе никогда не происходило. Кто-то даже пролил кофе, а кто-то чуть не подавился сэндвичем с курицей. Да что там, даже повара вышли посмотреть, что, черт возьми, происходит. Так и сказали в унисон.

– Форте³, молодой человек, – вдруг произнесла Эйла. – Форте!

И музыка зазвучала громче и стремительнее. Ноты сплетались, разлетались по помещению и раскрашивали серый пейзаж, наполняя дополнительным смыслом происходящее.

И казалось бы, работникам кафе стоило пресечь хулиганство, но они тоже хотели узнать, что будет дальше, они тоже хотели, чтобы в их жизни кто-то привнес хотя бы один новый цвет из палитры искреннего искусства.

Некоторые посетители начали отбивать ритм ногами, кто-то хлопал, что создавало дополнительную ударную секцию для оркестра из одного человека. Но главное заключалось в том, что очаровательная Лийса не отрывала взгляд от сумасбродного парнишки, который решил рискнуть и показать себя и свое творчество.

³ Форте – музыкальный термин, обозначающий громкость композиции. В данном случае – «играй громче».

– Не бывает подходящих моментов, – сказал Яска, бросив взгляд на Рому, который ютился у него в кармане рубашки и переживал такую тряску, что несколько раз чуть не вылетел. А затем Ускользящий Бард перепрыгнул на другой столик, сбив чашки и тарелки на пол, но смог удержаться сам под коллективный вздох. Аплодисменты разлетелись по кафе. И вновь заиграла чарующая музыка в жанре пелиманни, а люди смотрели и смотрели. Слушали и слышали. Их сердца бились чаще. Дети начали выбегать из-за столиков, чтобы столпиться вокруг Яски, который энергично отплясывал со скрипкой и умудрялся почти не сбиваться.

Для Рому время замедлилось. Он видел много счастливых лиц, много улыбок и даже слез радости. Поднятые кружки пива, салат на полу, разлитый суп и хоровод детей, которые были так похожи на Арто. Но, к сожалению, среди них не было *его* человека.

Яска посмотрел направо, в сторону барной стойки, где стояла девушка с кудрявыми темными волосами, в которую он был влюблен уже несколько лет, и подмигнул ей.

Вот он, момент счастья. Момент, когда все получается, когда сияние звезд заметно даже на голубом небе, где светит солнце.

«*Это потрясающе*», – сказал Рому, и об этом подумали многие в тот день. И в этот момент наступило то самое «позже», когда Йоханнес и Эйла осознали, что это их лучшая годовщина. Они подняли бокалы с вином, которые, как ни странно, сумели уцелеть, и ударили их друг о друга. Под этот звон в кафе ворвался Пиркка со своей бандой.

Яска так и не увидел, улыбнулась ли Лийса ему в ответ, потому что нужно было бежать со всех ног, чтобы уцелеть.

«*Быть может, у меня получилось тронуть ее сердце?*» – подумал он, а сказал то, что должен был:

– С вами был Ускользящий Бард!

Люди захлопали так, словно были в концертном зале, а не в погребке с перекрытым выходом. В погребке, где члены «Опасной бритвы» начали окружать человека, стремящегося к мечте, несмотря ни на что.

Выхода не было.

Яска оценил ситуацию, как катастрофическую, потому что у дверей стоял Пиркка с опасной бритвой в руке.

– Надо рисковать, – сказал Яска и уже было замахнулся скрипичным футляром, как Рому остановил его:

«*Не надо! Мы ее только вернули*».

Тик-так. Тик-так.

Посетители кафе не совсем понимали, что происходит. Кто-то воспринял это как продолжение перформанса. Только на кону была жизнь.

Яска растерялся, а тот низкий, кто заменил Обмылка, уже приближался, да и другие подтягивались.

«*Используй меня*, – сказал Рому. – *Я крепче, чем ты думаешь!*»

– Но я так не могу! – ответил Яска.

«*Ты спас меня, настала моя очередь спасти тебя, мой друг*».

Яска помедлил. А заменивший Обмылка был уже совсем близко.

«*Решайся!*» – выкрикнул Рому.

И тогда Яска выхватил из кармана деревянного человечка и швырнул его со всей силы в голову Пиркке. В фоновом шуме было не слышно, как тот вскрикнул после удара, что рассек ему лоб. Кровь начала заливать глаза, и он потерял ориентацию в пространстве.

Тем временем Яска наступил сменившему Обмылка на плечо и перескочил на другой столик, а потом и на барную стойку, по которой добежал к выходу, обойдя почти всех участников банды «Опасная бритва».

Остался только Пиркка.

Яска тут же подобрал Рому с пола и побежал к выходу со всех ног. Но оказавшись рядом с Пирккой, получил случайное ранение опасной бритвой, когда тот махал ею, не глядя.

– *С вами был Ускользящий Бард!* – еще раз крикнул Яска, устремившись вперед по улице – к дому, где больше не было любви.

Яска бежал и бежал, не сбавляя ход. В одной руке у него был футляр со скрипкой, а во второй Рому, до которого уже добрались ручейки крови. Могло помешаться, что это деревянный человечек ранен. В каком-то смысле это было так.

Когда Яска добежал до своего дома и ворвался внутрь, ему казалось, что если он остановится, то потеряет друга. Влетев в свою комнату, он положил Рому на стол маленькой мастерской и принялся осматривать его.

– Ты как, дружище? – спросил Яска. – Скажи, где болит? Я почию.

Но Рому молчал.

– Ну же, ради бога, – проговорил Яска, задыхаясь. Пробежка далась ему очень тяжело. – Пожалуйста, скажи хоть что-нибудь!

Наступила тишина, а затем покатались слезы из карих глаз. Они капали и капали. Но слов не было. Несколько капель упало и на деревянного человечка, смешавшись с кровью.

«*У нас получилось?*» – тихо спросил он.

Яска вытер слезы тыльной стороной руки и закричал от радости:

– Да ты еще более безбашенный, чем я!

И рассмеялся. Рому тоже усмехнулся.

– Ой, – вдруг сказал Яска и ударил себя по лбу. – Забыл... вылетело из головы, у меня есть кое-что для тебя!

Он смахнул пальцем кровавый отпечаток с лица Рому, усадил того возле бутылок и мгновенно выбежал из дома.

– Я скоро, дружище, – крикнул он напоследок. – Просто дождись меня!

Рому проводил Яску взглядом.

«*Что-то для меня?*» – подумал он. – *Но что это?*»

Деревянный человечек в доспехах из гвоздей и мусора затаил дыхание, которого у него не было, и ждал с нетерпением возвращения своего друга.

Но.

Всегда есть «но» или «однако».

Но Яска не вернулся в дом, где больше не было любви. Ни в тот день, ни на следующий, ни через неделю, ни через месяц.

* * *

На голове и плечах Рому осела пыль.

«*Вдруг ему нужна моя помощь?*» – спрашивал себя деревянный человечек. – *Где же он?*»

«*Когда он вернется?*»

«*Он сказал, что вернется.*»

Но чем больше мыслей посещало Рому, тем слабее как утешение они становились. А потом на голове деревянного человечка появилась третья трещина.

«*Как же она болит...*» – подумал он, и мир вокруг него почернел.

Я сражусь с монстром

Рому очнулся в один из дней, когда услышал, как бутылка разбивается о стену. Но это было где-то за пределами комнаты – там, где жил монстр. И похоже, монстру было очень плохо. Он каждый день выл и плакал. В конце концов это стало привычной мелодией для деревянного человечка. Но сколько бы монстр ни давал о себе знать, в комнате он не появлялся. До определенного дня.

Однажды Рому все-таки увидел чудовище, с которым так долго сражался Яска. И разочаровался. В комнату вошла темноволосая женщина в грязном платье. Раньше оно было белым, а она красивой.

«Это монстр? – подумал Рому. – Где Яска? Говори! Куда ты его спрятала?»

Она подошла к кровати, взяла фотографию на прикроватном столике. Посмотрела на нее, а потом швырнула изо всех сил прямо в коллекцию пивных бутылок. Те попадали с полки, и половина разбилась.

«Нет, – тихо проговорил Рому. – Яска хранил эти бутылки ради Лийсы».

Женщина вдруг закричала, а потом подошла к полке с разбитыми бутылками и схватила деревянного человечка. Она посмотрела на него заплаканными глазами и бросила во тьму.

«И все-таки этот монстр опасен»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.